

*Даниэла
Тим*

*Как две
КАПЛИ ВОДЫ*

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
С80

Серия «Даниэла»
Danielle Steel
MIRROR IMAGE

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств Morton L. Janklow Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80   Как две капли воды : [роман] / Даниэла Стил ;
[пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2015. — 384 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-094607-5

Оливия и Виктория Хендерсон. Сестры-близнецы, по-
хожие как две капли воды и такие разные!..

Одна — живая, искрометная, вечно жаждущая новых
острых ощущений и в то же время бесконечно чистая ду-
шой...

Вторая — спокойная, уверенная в себе, целеустремлен-
ная, но при этом — нежная и ранимая...

У каждой — своя судьба, свои удачи и разочарования,
взлеты и падения, у каждой — свои надежды и мечты, у каж-
дой — своя любовь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Danielle Steel, 1998

© Перевод. Т.А. Перцева, 1999

ISBN 978-5-17-094607-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Тяжелые парчовые шторы на окнах заглушали доносившиеся снаружи звуки, и даже птичий щебет почти не проникал в окна роскошно обставленных комнат Хендерсон-Мэнон. Нетерпеливо откинув за спину длинный темный локон, Оливия Хендерсон вновь углубилась в составление описи отцовского фарфора. На дворе стояла теплая летняя погода, и ее сестра, как обычно, спозаранку исчезла куда-то. Эдвард Хендерсон, отец Оливии, сегодня ожидал адвокатов, довольно часто наезжавших в маленький городок Кротон, находившийся всего в трех часах езды от Нью-Йорка. Эдвард почти не покидал поместья, предпочитая давать указания поверенным и осуществлять общее руководство сталелитейными заводами, которыми давно уже не управлял сам. Он полностью удалился от дел два года назад, в тысяча девятьсот одиннадцатом, сохранив при этом все свои владения, но целиком полагаясь на адвокатов и директоров заводов. Жена так и не родила ему сыновей, и со временем его интерес к бизнесу значительно охладел, так что Эдвард мирно жил отшельником в своем уютном гнездышке.

Здесь его дочери могли вести спокойную, ничем не омраченную жизнь, и хотя подобное существование не назовешь волнующим, скука и тоска никогда не посещали Хендерсонов. Кроме того, у них было немало друзей среди многих выдающихся семейств, обитавших вверх и вниз по течению Гудзона, из которых самыми близкими соседями были Ван Кортленды и Шепарды. Джей Гулд, отец Хелен Шепард, умерший почти двадцать лет назад, оставил всю недвижимость и огромное состояние дочери. Хелен

вместе с мужем, Финли Шепардом, приумножили деньги отца и к тому же нередко давали балы и приемы для соседей. Рокфеллеры, недавно достроившие поместье Кайкьюит, в Тарритауне, с великолепными садами, изумительно распланированными газонами и домом, не уступавшим особняку Эдварда Хендерсона, соперничали в гостеприимстве с Шепардами.

Хендерсон-Мэнор считался одним из красивейших поместий в округе, и люди приходили за много миль, чтобы полюбоваться им и чудесными окрестностями. Сквозь решетку ограды с трудом можно было разглядеть дом, окруженный высокими деревьями, и дорожку, ведущую к главной подъездной аллее. Сам особняк располагался на высоком холме, выходившем на реку Гудзон. Эдвард часами просиживал в кабинете, наблюдая, как течет жизнь в большом мире, вспоминая прошлые времена, старых друзей и дни, когда земля вращалась куда быстрее... семидесятые годы, когда он принял руководство отцовскими заводами... стал свидетелем многих великих изобретений на рубеже столетий...

Тогда он был занят с утра до вечера и будущее казалось совершенно безоблачным. Но все пошло не так, как думалось. Женился Эдвард совсем молодым, но дифтерия унесла жену и маленького сына. После трагедии он много лет жил один, пока не появилась Элизабет — воплощение всего, о чем может мечтать мужчина: ослепительный солнечный луч, комета в летнем небе, такая эфемерная, яркая и прекрасная, так быстро исчезающая. Они поженились через несколько месяцев после знакомства. Ей было девятнадцать, ему — за сорок. Но, не дожив до двадцати одного года, Элизабет умерла в родах. После ее кончины Эдвард с головой погрузился в работу, доводя себя до изнеможения.

Сначала он поручил дочерей заботам нянь и экономки, но наконец, осознав свои обязанности перед ними, приступил к строительству Хендерсон-Мэнор. Он хотел, чтобы девочки вели привольную жизнь вдали от нездоровых соблазнов большого города. В тысяча девятьсот третьем году Нью-Йорк был неподходящим местом для детей. Им было десять, когда семейство Хендерсон переехало в новый дом. Сейчас девушкам исполнилось двадцать. Отец оставил

за собой особняк в Нью-Йорке и жил там, но навещал дочерей при каждой возможности, сначала по уик-эндам, потом все чаще. И когда возвращался в Нью-Йорк, Питсбург или Европу, сердце оставалось в этом маленьком городке, там, где обитали девочки.

Эдвард наблюдал, как дети росли, расцветали, и мало-помалу его жизнь сосредоточилась в них и словно замедлила течение. Он уделял им каждую свободную минуту, а вскоре окончательно поселился в Кротоне. Последние два года он никуда не выезжал, тем более что здоровье его сильно ухудшилось. Сердце давало знать о себе, когда Эдвард чересчур много работал, расстраивался или волновался, что теперь случалось крайне редко. Он был счастлив здесь, с дочерьми.

Прошло двадцать лет со дня смерти жены, того теплого весеннего дня, когда Господь окончательно отвернулся от него. Эдвард, преисполненный гордости и счастья, ожидал за порогом спальни, когда раздастся крик новорожденного. Он и подумать не мог, что трагедия повторится. Его первая жена вместе с малышом стали жертвами эпидемии дифтерии, и на этот раз, потеряв Элизабет, он едва не умер. Первое время Эдвард не хотел жить и постоянно чувствовал присутствие Элизабет в их нью-йоркском доме. Позже он возненавидел пустоту огромных комнат и старался как можно больше путешествовать, но потом осознал, что забросил малышей-близнецов, последний дар Элизабет. И хотя не мог заставить себя продать особняк, выстроенный отцом, в котором родился и вырос, все же закрыл его и перебрался поближе к детям. С тех пор он никогда не скучал ни по дому, ни по Нью-Йорку, ни по светскому обществу.

Не обращая внимания на окружающее, Оливия продолжала заполнять длинные бумажные полосы своим мелким аккуратным почерком, отмечая, что нужно заменить и какие вещи заказать заново. Иногда она посылала слуг в городской дом привезти необходимое оттуда, но по большей части обращалась в магазины, зная, что отец не любил нью-йоркское поместье. Она, как и Эдвард, была счастлива спокойствием здешней жизни и очень редко ездила в Нью-Йорк, если не считать своего дебюта, когда отец представлял дочерей своим друзьям и всему высшему обществу.

Оливия находила светскую жизнь довольно интересной и забавной, но крайне утомительной. Ее изматывали каждодневные выезды в театры, на балы, в гости, необходимость соблюдать строжайшие правила этикета. Она чувствовала себя так, словно постоянно находится на сцене, разыгрывая несвойственную ей роль, так что под конец возненавидела и себя, и окружающих — в отличие от Виктории, которая буквально расцветала в лучах всеобщего внимания. Оливия же облегченно вздохнула, вернувшись к своим книгам, лошадям, цветам и каждодневным прогулкам по холмам к близлежащим фермам.

Она обожала скакать верхом, прислушиваться к весенним звукам, наблюдать, как медленно, неохотно уходит зима, любоваться многоцветьем осенних красок. И едва ли не с малолетства вела отцовский дом с помощью Алберты Пибоди, женщины, вырастившей сестер и заменившей им мать. Хотя зрение у Берти было неважным, ум по-прежнему оставался острым, и она с закрытыми глазами могла отличить Оливию от Виктории.

Вот и теперь Берти пришла справиться, как подвигается работа. У нее уже не хватало ни терпения, ни сил, чтобы сделать все самой, и она была благодарна Оливии за помощь. Оливия тщательно проверяла состояние gobеленов, хрусталия, постельного белья; ничто в доме не ускользало от ее внимания. Виктория же терпеть не могла кропотливые и бесконечные домашние хлопоты. Странно, какими разными могут быть близнецы!

— Ну что? Все тарелки перебиты или дотянем до рождественского ужина? — осведомилась Берти, ставя на стол стакан ледяного лимонада и тарелку свежее испеченного имбирного печенья. После двадцати лет беспорочной службы Алберта привыкла считать девочек своими дочерьми. С того дня как она взяла в руки два кричащих свертка, они не расставались ни на день.

Эта маленькая пухленькая женщина с белоснежными, собранными в пучок волосами и пышной грудью утешала девочек, выслушивала их детские секреты, помогала в невзгодах и подставляла плечо, когда им хотелось поплакать.

6   Словом, заменяла обоих родителей именно в том

возрасте, когда так трудно без матери. Отец редко бывал с ними и, целиком поглощенный скорбью о жене, держался отчужденно. Правда, за последние годы, растеряв бодрость духа и здоровье, он смягчился и искренне привязался к детям. Сердечная болезнь, причиной которой он считал потрясения и скорби по так рано ушедшим женам, не позволяла вести активный образ жизни. Теперь же, получив возможность передать управление заводами в руки доверенных лиц, он стал куда счастливее и спокойнее.

— Нам нужны суповые тарелки, Берти, — торжественно объявила Оливия, продолжая сражаться с непокорными волосами и совершенно не представляя, как ошеломляюще красива в эту минуту. Белоснежная кожа резко контрастировала со смоляными прядями, а огромные темно-синие глаза сверкали двумя сапфирами.

— Да и рыбные тоже. На следующей неделе закажу у Тиффани. Кстати, следует предупредить судомоек, чтобы поосторожнее обращались с посудой.

Берти с улыбкой кивнула. Оливия к этому времени должна бы иметь собственный дом, вместо того чтобы переписывать отцовский фарфор и разыгрывать роль хозяйки. Но у нее не было ни малейшего желания покидать этот дом. Девушка была безмерно счастлива здесь, в Хендерсон-Мэнор. Совсем не то что Виктория, без умолку тараторившая о каких-то невиданных городах и странах. У нее портилось настроение каждый раз при мысли о пустующем в Нью-Йорке доме и веселых вечеринках, которые они могли бы там устраивать.

Оливия одобрительно оглядела светло-голубое шелковое платье Берти, в котором та напоминала кусочек летнего неба. Оливия сама скопировала фасон в журнале и отослала местной модистке. Именно Оливия всегда выбирала платья всем троим. Виктории было не до того. Она лишь снисходительно предоставляла сестре заботиться о ней.

— Печенье удалось как никогда. Отцу понравится, — заметила Оливия, которая велела испечь его специально для Эдварда и главного поверенного, Джона Уотсона. — Пожалуй, надо попросить повара отослать в кабинет поднос с завтраком. Или ты уже все сделала?

Женщины обменялись понимающими улыбками людей, привыкших много лет делить нелегкие обязанности. Берти, на глазах которой Оливия росла, превращаясь из девочки в молодую женщину и хозяйку дома, прекрасно знала, как скрупулезно исполняет свой долг воспитанница. Знала и уважала Оливию и считалась с ее мнением, хотя, не задумываясь, журила, если та выбегала под дождь, или легко одевалась, или совершала нечто столь же легкомысленное. Но с годами Берти все реже корила девушку. Оливия и без того слишком серьезна, не мешает иногда и отвлечься.

— Я все приготовила, но сказала повару, что ты сама пошлешь за подносом, когда время придет, — сообщила Берти.

— Спасибо, дорогая.

Оливия грациозно спустилась со стремянки и, поцеловав старушку в щеку, на мгновение по-детски уткнулась головой в ее плечо. Еще один поцелуй — и девушка упорхнула на кухню. Одобрительно кивнув при виде посуды и салфеток, расставленных Берти на серебряном подносе, она приказала подать кувшин с лимонадом, большую тарелку печенья, и крошечные сэндвичи с кресс-салатом, огурцами и тонко нарезанными ломтиками помидора с их собственного огорода. В кабинете должен быть графин с хересом и напитками крепче, если понадобится. Оливия, росшая среди друзей отца, была не из тех девушек, кто презрительно морщит носик при виде мужчин, пьющих виски и курящих сигары. По правде говоря, она даже любила запах табачного дыма, впрочем, как и ее сестра.

Удостоверившись, что все в порядке, она отправилась к отцу в библиотеку.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? Ужасно жарко, верно?

— Не жалуюсь, — покачал головой Эдвард, с гордостью оглядывая дочь.

Какая она молодец! Он часто говаривал, что, не будь Оливии, в доме царил бы вечный беспорядок. Недаром он шутил, что опасается, как бы один из Рокфеллеров не женился на Оливии, с тем чтобы было кому управлять Кайкьюитом.

Он не раз бывал в великолепном доме, построенном Джоном Д. Рокфеллером и снабженным всеми воз-

можными современными удобствами, включая телефоны, центральное отопление и генератор в гараже, и не уставал повторять, что по сравнению с этим дворцом его особняк выглядит настоящей сельской лачугой. Это, конечно, было не совсем так, но жилище Рокфеллеров явно выделялось среди всех поместий небывалой роскошью.

— Жара полезна для моих старых косточек, — заметил отец, раскуривая сигару. — Кстати, где твоя сестра?

Оливию всегда так легко найти в одной из комнат, где она составляет длинные списки, пишет приглашения и указания слугам, расставляет цветы... Виктория же вечно где-то пропадает!

— Кажется, отправилась к Асторам, поиграть в теннис, — уклончиво заметила Оливия, не имея ни малейшего представления о том, куда делась сестра.

— Неужели? А по-моему, Асторы уехали на лето в Мэн.

Как, впрочем, и большинство соседей. Раньше Хендерсоны тоже следовали примеру соседей, но теперь Эдвард отказывался покидать Кротон даже в самое пекло.

— Прости, отец, — смущенно пробормотала Оливия, краснея до кончиков волос. — Я думала, они вернулись из Бэл-Харбор.

— Разумеется, дорогая, — усмехнулся отец. — Одному Богу известно, куда подевалась Виктория и что у нее на уме.

Однако оба знали, что проделки и выходы девушки достаточно безобидны. Просто Виктория — натура живая, энергичная и независимая, совсем как ее покойная мать, и Хендерсон всегда подозревал, что она достаточно эксцентрична. Но пока это не проявлялось слишком откровенно, Эдвард вполне мог выносить чрезмерную резвость дочери. Кроме того, она пока не натворила особых бед, и самое худшее, на что была способна, — свалиться с дерева, получить солнечный удар, прошагав по жаре несколько миль до ближайшего поместья, и заплыть слишком далеко. Развлечения здесь были достаточно скромными. До сих пор у Виктории не было романтических увлечений и пылких поклонников, хотя несколько молодых представителей семейств Рокфеллеров и Ван Кортленд-тов проявляли явный интерес к юной красавице.

Но все было в рамках приличия, и даже отец понимал, что Виктория была скорее интеллектуалкой, чем пылкой, страстной особой.

— Я поищу ее, как только будет время, — пообещала Оливия, хотя на самом деле ни она, ни отец не встревожились по-настоящему.

Поваренок втащил поднос, и она показала мальчику, куда его поставить.

— Нам понадобится еще стакан, дорогая, — обратился к ней отец, закуривая сигару, и поблагодарил парнишку, имени которого никогда не мог запомнить.

Оливия, однако, знала имена, родственников и семьи всех слуг, их достоинства и недостатки, и даже проступки, когда-либо ими совершенные. Она была истинной хозяйкой Хендерсон-Мэнор, и, возможно, гораздо лучшей, чем стала бы ее мать. А Виктория характером пошла в Элизабет.

— Разве Джон приедет не один? — удивилась она.

Поверенный брал с собой кого-то лишь в тех случаях, когда на заводах не все шло гладко, а она ни о чем подобном не слышала. Обычно отец ничего не скрывал от дочерей, ведь в конце концов все останется им, хотя девочки наверняка предпочтут продать заводы, если только мужа не выразят желания заняться делами, что Эдвард считал маловероятным.

— К сожалению, дорогая, — вздохнул отец. — Боюсь, я слишком зажился на этом свете. Похоронил двух жен, сына, своего доктора, большинство друзей, а вот теперь Джон Уотсон заявляет, что подумывает удалиться от дел. Собирается привезти человека, недавно ставшего партнером в его фирме, о котором он весьма высокого мнения.

— Но Джон не настолько стар, — забеспокоилась Оливия. — Как и ты. И чтобы я не слышала подобных разговоров!

— Я дряхлая развалина. Ты понятия не имеешь, каково это, когда люди, окружающие тебя, исчезают один за другим, — мрачно пробормотал Эдвард, с отвращением думая о предстоящей встрече с новым поверенным, которого он видеть не желал.

— Уверена, что Джон не собирается никуда уходить, — ободряюще проговорила девушка и, налив

отцу в стакан немного хереса, подала тарелку с имбирным печеньем. Эдвард зажмурился от удовольствия.

— Возможно, ты права, и Джон останется, особенно после того как попробует печенье. Должен сказать, Оливия, ты творишь настоящие чудеса на кухне.

— Спасибо!

Наклонившись, она поцеловала отца, и тот ответил восхищенным взглядом. Несмотря на жару, она даже не покраснелась и ухитрилась при этом выглядеть идеально.

Взяв печенье, девушка уселась рядом с отцом.

— Так кто же этот новый партнер? — полюбопытствовала она. Странно, что Джон, который на два года моложе отца и всегда казался крепким и сильным, готовит себе замену. Но возможно, лучше раньше, чем позже. — Ты уже знаком с ним?

— Нет, дорогая. Джон утверждает, что он очень способный малый и улаживал какие-то дела с недвижимостью Асторов. Пришел к Джону с прекрасными рекомендациями из солидной фирмы.

— Но почему он переменял место? — полюбопытствовала Оливия. Они с сестрой любили расспрашивать об отцовских делах, только Виктория была куда несдержаннее в своих мнениях. Все трое они обсуждали политику или бизнес, и делали это с большим удовольствием. Эдвард любил говорить с дочерьми на столь сложные, далекие от светских темы, возможно, потому, что у него не было сына.

— Джон утверждает, что Доусон пережил ужасную трагедию в прошлом году. Наверное, поэтому я и пожалел его и разрешил Джону привезти сюда. Боюсь, что слишком хорошо понимаю молодого человека.

Эдвард грустно улыбнулся.

— Его жена плыла на «Титанике». Она была дочерью лорда Арнсборо и возвращалась домой от сестры. Чертовски обидно! Доусон едва не потерял своего мальчика. Его успели посадить в шлюпку, которая была уже переполнена, а жена упростила взять на ее место другого ребенка, решив, что сядет в следующую. Только эта оказалась последней. Доусон немедленно уволился, взял мальчика с собой и провел год в Европе. Бедняга работает у Джо-

на то ли с мая, то ли с июня. Уотсон говорит, он очень хорош, правда, немного мрачен. Ничего, все образуется и со временем заживет. Как у всех. Ему придется взять себя в руки ради мальчика.

История Доусона глубоко тронула Эдварда, живо напомнив о его собственных несчастьях. Слишком хорошо он понимал чувства молодого человека, лишившегося жены, пусть обстоятельства гибели ее и Элизабет совершенно разные.

Несколько мгновений Эдвард молча сидел, уставясь в пространство, глубоко погруженный в невеселые мысли, и Оливия не посмела потревожить его. Оба испуганно подняли головы, когда в дверях появился Джон Уотсон.

— Как это вы ухитрились проникнуть сюда без доклада? Забрались в окно? — засмеялся Хендерсон при виде старого приятеля и, легко поднявшись, шагнул навстречу. Выглядел он превосходно — благодаря неусыпной заботе Оливии и несмотря на постоянные жалобы на здоровье.

— Никто не обратил на меня внимания, — шутливо пожаловался Джон, высокий стройный мужчина с гривой седых волос, чем-то очень напоминавший отца Оливии. Две пары голубых, весело искрящихся глаз встретились, и между мужчинами немедленно завязалась оживленная беседа. Оба знали друг друга еще со школьных лет. Эдвард дружил со старшим братом Джона, теперь уже умершим. Кроме того, Джон много лет вел дела Эдварда.

Видя, что мужчины заняты друг другом, Оливия потихоньку проверила, все ли в порядке. Она уже хотела уйти, но, повернувшись, едва не оказалась в объятиях Чарлза Доусона. Странно было видеть его здесь, в этой комнате, и сознавать, сколько пережил этот человек.

Девушка невольно смутилась. Он и не подозревает, что ей уже все известно!

Какое красивое, хотя и суровое лицо, а глаза... она никогда не видела таких грустных озер изумительного темно-зеленого цвета, почти как морская вода. Но он все же слегка улыбнулся, когда Эдвард их знакомил. И только сейчас Оливия разглядела, что, кроме скорби, они излучают доброту, и ей внезапно захотелось протянуть руку и ободряюще погладить Чарлза по щеке. Утешить.

— Как поживаете? — вежливо спросил он, пожимая ее руку и с интересом рассматривая девушку. Именно рассматривая, а не глаза, хотя, разумеется, он сознавал, как она красива. Однако во взгляде не светилось ничего, кроме искреннего любопытства.

— Могу я предложить вам лимонада? — с неожиданной застенчивостью осведомилась Оливия, поспешив скрыть неловкость за привычными обязанностями хозяйки. — Или предпочитаете херес? Боюсь, отец даже в такую жару пьет только херес.

— Я, пожалуй, удовольствуюсь лимонадом, — снова улыбнулся Чарлз, и мужчины вновь вернулись к предмету своего разговора.

Оливия налила лимонад Доусону и Уотсону и предложила имбирного печенья, а потом потихоньку удалилась и прикрыла за собой дверь. Но перед глазами все стояло лицо Доусона. Она не могла отделаться от мыслей о нем. Интересно, сколько лет его сыну? Вспоминает ли он жену или в его жизни уже появился кто-то?

Девушка попыталась забыть о Доусоне. В конце концов, просто неприлично столько внимания уделять одному из поверенных отца!

Рассердившись на себя, она поскорее направилась на кухню и едва не столкнулась со вторым шофером, шестнадцатилетним парнишкой, работавшим на конюшне, но знавшим об автомобилях куда больше, чем о лошадях. И поскольку отец обожал современные машины и купил одну из первых, когда они еще жили в Нью-Йорке, Петри получил неожиданное и весьма лестное повышение по службе.

— Что с тобой, Петри? Что-то случилось? — спокойно спросила Оливия при виде взъерошенного, запыхавшегося мальчика.

— Мне нужно немедленно поговорить с вашим папой, мисс, — выпалил он со слезами в голосе, но Оливия, взяв его за руку, попыталась отвести подальше от двери библиотеки, прежде чем он потревожит отца.

— К нему пока нельзя. Он занят, — мягко, но решительно сообщила она. — Я ничем не могу помочь?

Парнишка поколебался и нервно огляделся, словно боясь, что кто-то может их подслушать.

— «Форд», мисс, — испуганно пробормотал он. — Его украли.

Бедняга был на грани истерики. Подумать только, он вот-вот потеряет прекрасное место, и непонятно, по чьей вине!

— Украли? — испуганно переспросила Оливия. — Но как это возможно? Кому удалось пробраться через забор и незаметно увести машину?

— Не знаю, мисс. Я видел «форд» сегодня утром. Сам его мыл. Корпус так и сверкал, как в тот день, когда ваш папа его купил. Я всего лишь оставил дверь гаража приоткрытой, чтобы проветрить немного: уж больно там душно стало, солнце так и палит, — а авто исчезло. Как растаяло!

Он жалостно шмыгнул носом, и Оливия положила руку ему на плечо, тронутая горем мальчишки.

— Когда это случилось, Петри? Ты запомнил?

Она, казалось, ничуть не обеспокоилась — голос оставался по-прежнему невозмутимым. И немудрено: Оливия привыкла по двадцать раз на дню справляться с то и дело возникавшими недоразумениями подобного рода.

— В половине двенадцатого, мисс. Я точно знаю.

Оливия видела сестру в одиннадцать. А «форд», по которому так убивался Петри, был специально куплен для слуг, которых посылали с поручениями и приказами в город. Сам хозяин предпочитал «кадиллак-турер».

— Знаешь, Петри, — решила Оливия, — думаю, пока нет причин волноваться. Пусть страсти немного улягутся. Возможно, кто-то из слуг взял его без твоего ведома. Кстати, я просила садовника привезти от Шепардов розовые кусты. Наверное, он просто забыл сказать тебе.

Она неожиданно уверилась, что машину вовсе не украли, но если всполошить отца, тот вызовет полицию, поднимется переполох и все кончится большим конфузом, а этого допустить нельзя.

— Но Киттеринг не водит машину, мисс. Он взял бы лошадь или велосипед, но никак не «форд».

— Возможно, это кто-нибудь другой, но не думаю, что стоит волновать моего отца. Да ему сейчас не до этого, так что подождем до ужина, хорошо? Посмотрим, может, к тому времени и машина появится. А пока не хочешь лимонада с печеньем?

Она повела мальчика на кухню. Петри немного отвлекся, хотя все еще сильно нервничал, опасаясь, что его уволят за то, что не сразу запер машину в гараже. Оливия, продолжая успокаивать мальчика, поставила перед ним стакан лимонада и тарелку с печеньем.

Пообещав прийти попозже, она взяла с Петри обещание не говорить о случившемся ни единой живой душе, подмигнула повару и поспешила к выходу в надежде избежать встречи с Берти, которую успела разглядеть издали.

Выскользнув из стеклянной двери в сад, она тяжело вздохнула, мгновенно охваченная волной обжигающего воздуха. Что за ужасное лето! Недаром многие семьи уже уехали в Ньюпорт и Мэн! Правда, осень и весна здесь изумительные, но зимы просто зверские. Большинство обитателей отправлялись на декабрь, январь и февраль в Нью-Йорк, а на июнь, июль и август к морю, но отец не пожелал двинуться с места. Жаль, что сегодня у нее нет времени поплавать!

Оливия рассеянно зашагала по тропинке в глубь поместья, к прелестному внутреннему саду. Она любила гулять здесь и часто проникала сквозь узкие ворота в соседние владения, зная, что хозяева не станут сердиться. Все здешние обитатели жили дружно и считали окружающие холмы чем-то вроде совместной собственности.

Несмотря на жару, Оливия долго бродила по окрестностям, совершенно позабыв о пропавшей машине, и, к своему удивлению, обнаружила, что все еще думает о Чарлзе Дусоне и рассказанной отцом истории. Как ужасно лишиться любимого человека! Трудно представить, что пережил Чарлз, впервые услышав о гибели «Титаника»!

Осознав, что у нее подкашиваются ноги, Оливия присела на поваленное дерево. Однако отдохнуть не удалось. Вдалеке послышался рев мотора, и через несколько минут в узкие деревянные ворота протиснулся «форд», обдирая краску с дверей. Противно завизжали шины, но во-